

Музыка сентября

Автор:

Есения Светлая

Музыка сентября

Есения Светлая

Можно сколько угодно плыть по течению, но для каждой щепки найдется свой водоворот. Вот и меня затянуло так, что и не выбраться... Я встретил Её и влюбился... Только моя любимая женщина внезапно исчезает, а в городе продолжает орудовать серийный маньяк. #ХАРИЗМАТИЧНЫЙ_ГЕРОЙ С ДУРНЫМ ХАРАКТЕРОМ#СЦЕНЫ_С_ВЫСОКИМ_ГРАДУСОМ#МУЖСКИЕ_МЫСЛИ О ЖИЗНИ#РОКОВАЯ_КРАСОТКА И ЕЕ ТАЙНЫ

Есения Светлая

Музыка сентября

1

Я стремился на край города, в эту богом забытую дыру, в эту чертову клоаку, лишь бы увидеть Её.

Она была будто глоток свежего воздуха в этой тягучей на вкус, опостылевшей обыденности. И, словно раненому зверю, мне было просто необходимо забиться в эту дрянную крысиную нору, чтобы там ночь напролет зализывать свои раны. И раны-то на самом деле были совершенно никчемными. Это были даже не раны, а так царапины, всего лишь нанесенные моей душе скучной семейной жизнью с

нелюбимой женщиной, да рутинной работой с горе-начальником и бесконечными посетителями, несущими свои жалобы каждый божий день.

Всего лишь от этого я чувствовал себя опустошенным и безжизненным, но там я снова превращался в человека. Мой сюртук начинал сверкать и искриться, как костюм супергероя, плечи расправлялись, а на лице появлялась улыбка победителя. И радость моя становилась еще ярче, когда я понимал, что Она тоже меня ждала.

Бар со странным названием "Тройка" попался на глаза мне в один из далеких и трудных вечеров. Тогда у нас поступил смежный заказ от другого ведомства, и нужно было посетить одну убогую квартиру, чтобы описать имущество. К слову, простая работенка, не за ахти какие деньги, превратилась в настоящее приключение.

В съемном жилище арестованного местного художника мы нашли не только картины и грязные чашки из-под кофе с окурками в них. Но и полуразложившийся труп. Вонь стояла такая, что я сразу кинулся к окну и, отдернув засаленную желтую занавеску, открыл прогнившую створку окна. Деревяшка чуть не осталась у меня в руках, настолько здесь все было ветхое. Свежий вечерний ветер засентябрил и осыпал листвой. Я обрадовался. Потому что до сих пор совершенно по-детски верил в знаки.

Глоток свежего воздуха? Спасибо...

Сквозь мельтешащую листву молодой березы я увидел пошарпанную вывеску на соседнем здании. "Тройка" гласило оно. И не понятно было, о чем это. То ли о резвых конях, запряженных в одну связку, несущих в светлое будущее какого-нибудь золотоискателя современного мира. Или это почерневшая от времени бумажная купюрка, с загнутыми краями, потрескавшаяся от частых сгибов посередине.

Но даже не само название привлекло меня. А полное отсутствие окон. Их не было совсем, никаких: ни занавешенных, ни зарешеченных, ни даже просто заколоченных облезлыми досками. Дверь, вывеска – и всё.

Мы тогда еле дождалась приезда полиции и потом еще долго повторяли одни и те же показания, пока были составлены все приличествующие такому случаю протоколы. Полицейский был средних лет, очень важен и убедителен, так что удрать из-под его жесткой руки не имелось возможности.

Тогда я зажевал таблетку аспирина, еще утром любезно сунутую мне в кармашек сюртука дорого?й супругой. Запить было нечем, поэтому еще долго мучился этой вязкой горечью на языке. Я не уверен был, что это от таблетки, а не от жизни, но это второстепенный вопрос. В тот момент меня разбирало любопытство, что же находится за этой таинственной дверью. Она притягивала мои мысли и манила, слово магнитом. И даже сейчас бы не смог объяснить, почему в тот момент я – уставший и брезгливый по жизни, вдруг решился на этот отчаянный шаг. Как только мы закончили со всеми формальностями в вонючей квартирке арестованного художника, я кинулся на улицу, чтобы наконец-то узнать, что находится внутри жалкой безглазой забегаловки со странным и двояким названием.

На удивление там не было ни одного охранника, кто мог бы хоть как-то воспрепятствовать или удержать меня от неверного шага. Да и дверь, что в тот момент мне показалось совершенно странным, была без единого замка. Я с осторожностью взялся за теплое древко ручки, отполированное тысячью прикосновений чьих-то рук, и потянул тяжёлую дверь на себя. Не издав ни единого звука, она с легкостью открыла чернеющий зев длинного коридора, уводящего куда-то вниз, словно в глубокую пещеру или же глотку давно уснувшего дракона.

Бар, впрочем, ничем не отличался от сотни других таких же: прокуренный, утопающий в дыму и пьяном угаре салон, сонный бармен, ящик, стоящий в углу на чёрной металлической тумбе и изрыгающий из себя какую-то мелодию в стиле кантри, просиженные кожаные диваны нелепого рыжего оттенка и деревянные непокрытые столы.

Я присел за один из них и подумал, какого черта я сюда приперся? Но тошнотворный запах трупа настолько въелся мне в мозг, что неудивительно, что я стал совершать необдуманные и нелогичные поступки. Тем более эта клоака, пропахшая разносортным спиртным и вишневым табаком, так приветливо меня приняла в свои объятия. Из-за стойки привлек мое внимание бармен, окрикнув и в приветственном жесте махнув рукой.

Его хриплый, застоявшийся голос был подобен скрипу гвоздя по стеклу – хорошая такая встряска для нервной системы.

Я, как и полагается, сделал заказ, но уже не мог вернуться в свое привычное состояние тупой отрешённости. Именно тогда я заметил в самом дальнем углу торчащий нос запылившегося старенького рояля. Тот выглядывал из-за темно-бирюзового бархатного занавеса, словно побитый дворовый пес.

Возможно, в углу когда-то и было что-то похожее на сцену, но явно не теперь. За шторой я углядел использованные ведра из-под краски и кособокую стремянку, ненавязчиво провалившуюся к роялю. В общем, та еще картина. Но она раскорябала мое сердце практически до крови. И именно в этот момент я почувствовал себя отчасти живым.

Крепкий коктейль из водки и перечной настойки согрел мои озябшие мышцы, ударил в голову горячей волной, тандемом соединившись с усталостью и легким помешательством от прошедшего дня. Я встал.

Настороженный взгляд бармена – взлохмаченного, словно ворона с окраины – не остановил меня. Как и покашливание маленького лысенького мужичишки, посасывающего пиво из пузатой толстостенной кружки. Тот сидел в углу и прекрасно видел, что происходит в зале. Я же не сразу заметил его.

В этот момент меня мало интересовала окружающая обстановка и тем более полупьяный посетитель. Рояль, грустный и одинокий, звал меня какими-то неведомыми другим сигналами своей черной лакированной души. И я его слышал.

Без зазрения совести залез на приступку и отдернул занавесь. Помпезная тряпка, в свою очередь, осыпала меня ворохом мелкой пыли и смиренно повисла на кольцах в сторонке. Возможно, даже фыркнула, сообщив, что не собирается в этом спектакле участвовать.

Ведра были безжалостно сдвинуты ногой к стене, и стремянка затолкана в угол. За роялем, в простенке, как оказалось, стоял колченогий деревянный табурет. Без подушечки и вообще любой обивки. На его широком сидении красовался чей-

то след, оставленный от случайно окрашенного ботинка. Меня это совершенно не волновало. Табурет был пристроен в положенное ему место, прямо перед роялем. Я усадил свой тощий зад, слегка поерзал и оценил устойчивость непритязательной мебели. Сойдет. Неважно. Крышка скрипнула, легко сложилась, обнажилась нотная полочка, и открылся белозубый ряд превосходных клавиш.

Первые аккорды дались с трудом. Я и не думал, что что-то помню. Немного размял и потянул пальцы, опустил на клавиши снова... Инструмент томно и радостно откликнулся на эти робкие прикосновения. Теперь я вдруг почувствовал себя прыщавым юнцом рядом с опытной женщиной. И пусть она даже работала в баре, и ее касались чужие руки, но она определённо была созвучна с моей душой и выдавала ту музыку, о которой я так долго молчал.

Когда я очнулся, бар был уже полон, и дым от сигарет витал густым облаком возле тусклой лампы, свисающей с потолка, как сочная груша.

Почему я не заметил, когда эти люди пришли?

Раздались первые аплодисменты, потом еще и еще, а меня вдруг бросило в жар и неожиданно я застеснялся.

Что я творю?

Это просто какое-то наваждение. Мне захотелось вдруг выскочить и убежать. Не чувствовать пристальные взгляды, не слышать одобрительные овации и просьбы сыграть еще. Вряд ли кто-то из них сейчас мог понять то, что творилось в моей душе.

А там еще как творилось!

Я никогда не играл и не умел играть. Играла мама, когда-то там, в далеком детстве, на ярко освещенной солнцем веранде, где ветер приносил аромат спелых абрикосов и черешен, а птицы словно вторили музыке. Я всего лишь смотрел и... наверное, запоминал.

Я не знаю, почему подошла Она...

Возможно, увидела мой испуг? Возможно, была околдована чарующей мелодией, которую я сам даже не запомнил. Пока План побега в моей голове пытался собраться во что-то значимое, Она оказалась рядом, посмотрела своими черными глазами и усмехнулась. Дерзко, обворожительно. Тоненькими холеными пальчиками извлекла из пачки длинную сигарету и прикурила, оставив на краю полупрозрачной бумаги след от губной помады, а потом, совершенно не стесняясь, прижала худенькое тельце фильтра к моему рту.

Я встал и подчинился ее немому приказу. Она держала сигарету, а я курил в затылок, продолжая смотреть в омут ее глаз. И там неожиданно потонул. И не выплыл.

Остался без глотка воздуха, только дым заполнял меня. Едкий, с ментолом, холодным и прошивающим легкие насквозь.

Закашлялся, не заметил даже, как в ее руке оказался бокал с темно-бордовой жидкостью. Она пригубила, я пригубил, слизывая невинный поцелуй с тонкого стеклянного края...

Желание уходить совершенно пропало. И в ответ она мне легко улыбнулась. Отпустила сигарету догорать в пепельницу, откуда-то оказавшуюся возле моих ног. Затем, передав мне бокал, заманчиво изгибаясь и виляя задом, обтянутым какой-то совершенно нелепой блестящей тряпкой, она обошла меня. И даже не прикоснулась. А затем, встав сначала на табуреточку, забралась и присела на край рояля, и изящно вытянула свои безупречные длинные ноги в дьявольски-сексуальных туфлях.

Я сел. И снова начал играть. Не помню, что, наверное, что-то веселое. Потому как тишина в салоне сменилась довольным гулом, перемешиваясь со звоном бутылок и бокалов. Но для меня больше ничего не существовало. Я пил вино из ее рук и наслаждался видом стройных ножек, представляя, как они в скором времени будут лежать на моих плечах.

Утром я ел вонючую яичницу, пожаренную на двух кусочках второсортного сала, без тарелки, прямо со сковороды, – ежедневный утренний завтрак, любезно приготовленный моей женой. И пил такой же второсортный кофе, кислый на вкус, горячий и пустой, но с хорошим ароматом. Думаю, его создавали очень долго и тщательно, дабы это дешевое пойло могло хоть как-то мотивировать по утрам идти на работу безвольных и замученных бытом граждан.

Мой день шел своим чередом, набивал меня раздражением на посетителей и скучными мыслями о том, как добыть еще немного денег. Жена сообщила, что у нее порвался сапог и пока она его, конечно, отдаст починить. Но покупка новой обуви не за горами. А значит, придётся поднапрячь мозг и раскошелиться.

Все это, впрочем, не досаждало мне, как раньше. Я был вдохновлен и отчасти чувствовал себя отдохнувшим, хоть и спал всего несколько часов. Спал, конечно, дома, а не в гостинице. Врожденная брезгливость пересилила, и в четыре утра, когда моя прекрасная нимфа соскользнула с рояля и растворилась в прокуренном салоне, я решил возвращаться в свою квартиру.

Жена спала, сын тоже. Утром обыденная перепалка за туалет и недовольство кучерявого пса на минуту заставили усомниться, а не приснилось ли это все мне? Но вопрос жены, почему я вернулся так поздно, все же расставил все точки над *i*.

Сказал правду, как и всегда. Правда лучше лжи. Ей можно играть, словно кубиком Рубика. И показывать те грани, которые выгодно. Описал ей подробности посещения квартиры небезызвестного в городе художника, вонь от трупа, грязь студии. А потом рассказал, что напивался в баре и лечил душу. Она определённо поверила. Я не сказал ничего, что могло противоречить ее понятиям обо мне.

Супруга осталась спокойна, я где-то внутри счастлив, что у меня появилась маленькая тайна от нее. Семейная жизнь иногда тоже может быть интересной.

Во второй половине дня ко мне в контору пришла мадам. Имени которой по понятным причинам я назвать не могу, поэтому обзовем ее миссис Незабвенность. В ней было килограмм под сто неумемного возмущения на своего

мужа. Мадам за десять минут взорвала мой мозг, и я уже хотел было попросить ее удалиться, когда она вдруг положила на стол свернутый чек и ласково попросила хорошенько подпортить настроение ее бывшему. Несколько визитов приставов с иском о неуплаченных алиментах вполне могли осчастливить испорченную характером женщину. Мне же вполне хватало суммы, указанной на чеке, чтобы осчастливить жену новыми кожаными сапогами. Все в этом мире должно быть взаимовыгодно и согласовано.

Уже вечером, перебирая скопившиеся за день папки с важным названием "Дело" на потертых серо-коричневых обложках, я снова наткнулся на заявление миссис Незабвенность. Прочел адрес, нашел в справочнике номер телефона ответчика и позвонил. Прощупать, так сказать, почву. Стоит ли вообще соваться в это логово? И можно ли договориться с этим человеком, надеясь на его серьезность и здравый смысл? Хотя о его умственных способностях у меня сложилось довольно-таки приятное первое впечатление. Он сумел избавиться от центнера недовольства в своем доме (это я про жену) и вполне недорого от нее откупился. Алименты тоже были лишь костью, брошенной вдогонку. Поэтому я, с глубоким уважением заочно, набрал его номер.

Мистер Супруг пользовался услугами домашнего секретаря (или камердинера), который попросил подождать несколько минут. Этот факт добавил еще толику уважения в копилку собеседника. Через тридцать восемь проехавших мимо окна машин в трубке раздался голос:

- Слушаю вас...

Что сказать, мы прекрасно друг друга поняли. Но говорить о делах, тем более о таких пикантных, очень сложно по телефону. Поэтому через час я был приглашен на личную аудиенцию домой к Мистеру Супругу, и он даже готов был прислать за мной машину.

Дураком и человеком однобокой морали я не был. Согласился и, попивая все тот же кислый и вкусно пахнущий кофе, стал ждать машину.

Абсолютно уверен, что случайности не случайны, но, видимо, все в эти дни было для моей нервной системы одним большим стрессом. Это было сродни тому состоянию, когда впервые в жизни смотришь на потрясающей красоты и мощи

фейерверк, но тебе одновременно и страшно, и восхищенно-сладостно. Вот и к Мистеру Экс-Супругу я ехал на роскошном и длинном, как бабушкин чулок, авто. Мимо пролетали хорошо освещенные улицы и полусонные нахохлившиеся дома. А я чувствовал себя примерно так, словно в этот миг я бог и хозяин жизни.

Человеку свойственно тешить своё эго, впрочем, как и ошибаться.

Неладное в неслучайностях я заподозрил лишь тогда, когда автомобиль пересек мост через чернеющую ледяную реку, унося меня в небезызвестный мне по предыдущим событиям район. С разницей лишь на одну улицу – мы свернули чуть раньше и въехали в частные владения, огороженные высоким живым забором.

Пересекая границу, я почувствовал неприятный холодок и посасывание под ложечкой. Но все-таки отмел это глупое ощущение и стал настраиваться на встречу и предстоящий разговор с клиентом.

Разговор занял пятнадцать минут. Мы друг друга поняли. Отяготив свой карман ещё одним чеком, я взял с хозяина сразу все пять необходимых для дела расписок, что он уведомлен о нарушении и обязуется исправиться. Мистер Экс-Супруг в ответ попросил меня больше его не беспокоить по таким пустякам и впредь держаться от этого дома подальше.

Крепкое рукопожатие с настоящим хозяином жизни не оставило мне иллюзий, кто из нас победил в этой сделке. Но и у меня оставался приятный козырь для сегодняшнего вечера. Я точно знал, что возможно приду домой не ко времени. Потому как меня тянуло вселенским магнитом на соседнюю убогую улицу, где среди кирпичных обшарпанных стен спрятался вход в убежище для моего трепещущего пробудившегося сердца. Я устал, но никакая усталость не могла мне помешать дойти до "Тройки" и снова опьянеть от Её глаз и от Её завораживающей красоты.

Все тот же черный зев перехода, прокуренный салон и зевающий бармен. Хотя нет, он встrepенулcя и показал на столик, где уже была приготовлена выпивка, и под металлической полусферой дожидался горячий ужин.

Я кивнул, принимая подачу.

Меня не нанимали, я не нанимался, но какой мужик в здравом уме откажется от хорошей кормежки? Горячий наваристый бульон, вареные овощи и идеально тонкая лапша. Кусок мяса размером с мужскую ладонь. За такое блюдо можно было играть всю ночь напролёт лишь только из благодарности за гастрономический оргазм. Я не ел подобной вкуснятины уже много лет. Супруга готовила вкусно, но до безобразия однообразно и абсолютно без настроения. С таким отношением к готовке и еда была не в радость, но это все в сторону. Не каждый может похвастаться счастливой семейной жизнью, вот и я не стану.

Кружка горячего вина? с гвоздикой и лимонными дольками задобрила меня окончательно. И как раз в тот момент, когда я уж чуть было не помечтал оказаться в своей теплой постели, в зал вошла Она. Сегодня в длинном платье с огромным разрезом до... пояса... и роскошной шалью цвета переспелой черешни. За ней, шаркая ногами, шел уродец-коротышка, таща на горбу плетеное кресло.

Она подошла к роялю и ткнула пальчиком, показав, где желает сидеть. Коротышка опустил кресло, поправил маленькую, привязанную к спинке подушечку, и испарился. Мне показалось, что не только я замер при их появлении, но и все остальные. Да уродцев у нас не бывало. Таких уж точно – я многих в городе знаю и много где бывал. Оставалось тешить себя мыслью, что все смотрели именно на него. Мне хотелось, чтобы никто даже не смел прикасаться взглядом к моей Музе. Моя богиня, мое вдохновение... она присела, закинув ногу на ногу, и в зале снова образовалась оглушительная тишина. Осызаемая, горячая, удушливая. Подол ее платья заломился и держался всего на несколько сантиметров ниже желанных взгляду укромных уголков...

Я усмехнулся и закурил, разглядывая через дым ее спокойное и умиротворенное лицо, очерчивая невидимым перышком контур пухлых губ. Уже от одного предвкушения у меня гудело в штанах, но я не поддался и, зажав свою волю в кулак, направился к безмолвному роялю.

Не знаю, обиделась ли она в тот момент, или просто безмолвно приняла правила игры в кошки-мышки, но отчего-то так и не повернулась ко мне. Сидя в удобном кресле, моя Муза постоянно смотрела на столик, где я до этого ужинал, не принимая попытки ни встать, ни заговорить с кем-либо.

И я, переборов вторичный страх перед внезапно проснувшимся даром музыканта, решил продолжить игру на рояле, изредка все же посматривая на ее

блестящие локоны и чуть дрожащую правую руку, когда красный огонек прикуренной сигареты поднимался к лицу .

Несмотря на мою вдруг свалившуюся популярность, к четырем утра завсегда и бара разошлись. Но мне хотелось играть вновь и вновь даже тогда, когда бармен убирал грязь со столиков и обреченно вздыхал над разбитыми стаканами. Через некоторое время и он покинул нас. Я сложил руки на коленях и закрыл глаза, принимая свою усталость. Лишь по шороху платья понял, что она уже рядом.

Когда ее горячие ладони легли на мои напряженные плечи, я выдохнул с облегчением. Вряд ли она могла сделать большее – именно об этом я мечтал весь этот долгий и мучительный вечер.

Она несколько минут разминала затекшие мышцы, а затем, проведя острыми ноготками по шее, вцепилась мне в волосы и больно дернула их назад. Моментально ушла боль из затылка и я, нежно накрыв ее руки, потянул к себе.

Она засмеялась. Так легко и непринуждённо, будто мы сейчас находились не в загаженном и пропитанном парами алкоголя помещении, а где-нибудь на солнечном цветущем лугу. Я обнял ее, прижался лицом к животу и животной хваткой вцепился в упругие ягодички. Если бы она знала, как на меня действует ее запах. Я оживал и рождался вновь, с каждым вдохом.

Легко подхватив ее на руки, аккуратно усадил на закрытый рояль. Моя Муза распахнула глаза и жадно задышала. Ни капли испуга – от нее, и только дикое и ненормированное желание сделать ей приятное – от меня.

Ткань платья безжалостно скомкана и натянута до пояса. Я глажу ее умопомрачительные ноги и целую каждый сантиметр белоснежной сладкомолочной кожи.

Она такая же нежная там, как себе и представлял... И я настойчиво слизываю ее страсть, придерживая рукой узкое кружево белья. Она изгибается, словно кошка, и царапает мне руки. Но я крепко сжимаю ее тугие ягодички, не давая сбежать. Ее крик, словно спусковой крючок, отправляет и мои до предела накалённые чувства в нокаут.

Еще долго я не мог отдышаться от пережитых эмоций, и только когда почувствовал, что она вздрагивает от напряжения и усталости, помог ей подняться.

Она нежно обвила мою шею руками и прильнула лицом к плечу. Невероятно, но создалось ощущение, что ей стыдно за этот совершенный акт откровенности между нами. Это было настолько глубоко, чувственно и пронзительно, что не могло сравниться ни с одним традиционным половым сношением.

Я прижимал ее к себе, гладил оголенную спину и целовал волосы. Что может быть лучше вот такого идеального сиюминутного маленького счастья?

Мы расстались у входа в бар. С щемящей тоской в груди я направился вверх по мрачной пещере в ледяной и бездушный город, оставив свое сердце с ней.

Уже начинало светать, и туман, завладевший пустынными улицами, жадно льнул ко мне, стирая ее прикосновения и впитавшийся в одежду запах...

Видимо, все средства, которые я получил от Мистера Экс-Супруга, придется тратить на такси. Моя унылая квартира, увы, практически на другом конце города.

3

Утро было безмолвным, режущим сухие воспаленные глаза, дышащим на меня опостылевшими запахами яичницы с салом и второсортного кофе.

Но я сидел за столом с мечтательной улыбкой и ее грейпфрутовым соком на моих губах...

В этот день я позвонил начальнику и сообщил, что заболел. У меня было в запасе несколько отгулов, и он благородно разрешил мне ими воспользоваться. Я выспался до обеда, затем пообщался с сыном-переростком, вечно закрывающимся в своей полутемной, заляпанной плакатами комнате. Все было,

как и всегда – ему я совершенно не нужен, от меня же требовалось лишь не усугублять.

Жена, к обеду забывшая о своих оскорбленных чувствах, с радостью приняла чек на покупку новых сапог. Вопросы о моем отсутствии в супружеской спальне отпали автоматически. Мне даже были поданы термометр и таблетка аспирина. Обмен обязанностями состоялся, жена ушла на службу в свою любимую редакцию, а я решил просто отоспаться. Чувствовал себя при этом безмерно волнуемым юнцом, собравшимся на свое первое серьезное ночное свидание.

Давний друг и по совместительству сыщик особого розыскного отдела часто делился со мной своими рабочими секретами. Так уж повелось, что я умел молчать как рыба, а он выговариваться в мои свободные уши, хорошенько налегая на бутылку с горячительным. Наши посиделки обычно приравнивались к его получке и проводились традиционно раз в месяц. Почему-то судьба раскинула карты так, что деньги он в этот раз получил на три дня раньше. О чем и сообщил через несколько часов, разрушив мои планы и оздоровительный сон.

Я не знал, злиться мне или радоваться. Но напряжение в нижней части уже отдавало звоном в ушах, и я решил, что ничего не бывает зря. Одержимым и зависимым от женщины мне хотелось быть меньше всего. Поэтому мой вечер был безнадежно испорчен... или спасен.

Мистер Друг (прошу прощения, но я поклялся молчать обо всех его секретах и имени в том числе), растормошив меня ото сна, заставил потеплее одеться и потащил не в ресторан, как ожидалось. А в куцый рабочий фургон, покрашенный в синий цвет почтового извозчика, где мы засели в ожидании приказа от начальства. Шепотом мне было разъяснено, что в городе появились залетные преступники, и моему другу приходится теперь охотиться за ними и маскироваться под доставщика почты. А я-то уж подумал, сыскарям форму на нормальную сменили.

Кое-как, после сумбурного объяснения, стало понятно, что творится что-то невообразимое и странное. По городу находят трупы один за другим. Убитые погибают мучительной смертью. Их словно кто-то иссушает или выпивает. Но я над этим громко посмеялся. Все-таки нормальный рабочий режим и здоровый сон человеку необходим. Моему другу так точно. Об этом я ему и сообщил. Он не обиделся и лишь попросил быть осторожнее и никуда не ходить, особенно по вечерам. Мне же осталось только поблагодарить его и, получив благословение и

разрешение, самоудалиться домой. Друг от чего-то решил, что я ужасно выгляжу и как будто немного постарел.

Идиот. На себя бы лучше в зеркало посмотрел.

В панике побежал домой, прикрываясь капюшоном плаща. Потом долго рассматривал себя в зеркале и тщательно выискивал седые волосы. Их в последнее время, конечно, поприбавилось. Но в остальном же просто красавчик! И кожа на шее не висит, и кубики на животе, как положено. Или все-таки я уже старик и просто себе нагло льщу?

Что обо мне она подумает?

Что я молодящийся почти пенсионер, пытаюсь урвать хоть толику ее внимания?

Стало обидно от собственных мыслей и тревожно за наше будущее. Суждено ли ему настать? Еще через несколько минут, прикуривая сигарету, я пытался успокоить нервную трясучку. Потому как понял, я дурак.

Потому что влюбился...

Жена пришла вечером взбудораженная и по секрету (который по всему свету) сообщила, что хотят объявить комендантский час. В городе за неделю восемнадцать трупов. И это только те, что обнаружили. Дрожащими руками она вцепилась в мой локоть и убедительно попросила бросить ночные подработки. Всё-таки в банке были кое-какие сбережения, и в крайнем случае мы могли бы ими воспользоваться.

Ласковое похлопывание по руке и обещание, что со мной ничего не случится, кажется, ее совершенно не убедили. Но у меня не было на этот случай в запасе правды. Поэтому я отделался дежурными фразами. Ну и, конечно, не стал разубеждать супругу в том, что она напридумывала себе сама.

Сегодня я понимал, что уходить из дома не стоит. Как примерный семьянин, отужинал с сыном и женой, посмотрел новости и, прогулявшись в кустах у крыльца с псом, завершил этот тревожный день. Конечно же, в супружеской постели, одетый в теплую фланелевую пижаму, под лёгонький храп своей

второй половинки.

Она мне НЕ приснилась.

4

И утро на этот раз показалось мне еще гаже. Яичницу я выкинул в помойное ведро, а кофе вылил в фикус.

Проверено, если утро было гадким, день стопроцентно будет еще хуже. Когда я пришел на работу, то был страшно, до беспредела "рад". Ко мне в отдел закрепили какую-то соплячку-студентку, распределенную в нашу организацию на практику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/svetlaya_eseniya/muzyka-sentyabrya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)